

«Я в руках судьбы-мачехи»

Думается, слова Сергея Васильевича Ялавина, взятые из его письма к русскому писателю Николаю Дмитриевичу Телешеву и вынесенные в заголовок, – ключ к пониманию феномена выдающегося чувашского прозаика и критика. Недавно исполнилось 105 лет со дня его рождения.

Хотя и активно интересовался Сергей Васильевич театром (писал пьесы, критические статьи; в его общественном и творческом поведении также было много игры – он умел лепить свой образ, создавать собственный имидж), но высказывание «Я в руках судьбы-мачехи» не производит впечатления театрального жеста. Скорее всего, это – крик души. Тут дело даже не в нужде, бедности, которая, как известно, нередко является неразлучным спутником настоящего писателя (тем более чувашского), – просто человек иногда проговаривается, говорит о себе больше, чем сам о себе знает. Такие случаи Владимир Набоков называл «проговоркой истины», «блесткой», «точкой спайки с чем-то другим». «Что-то другое» в случае Ялавина – это ноосфера. Его сознание, видимо, могло проникать в какие-то тонкие миры и черпать оттуда информацию. «Похоже, что он был больным», – пишет Федор Ермилович Уяр в эссе-воспоминании о нем «Чему учит нас жизнь Саламова» (1976). Таких «больных», как Ялавин, К. Циолковский называл «космическими людьми» (об основоположнике теоретической космонавтики в Калуге за глаза говорили, что «сбрэндил старик, окончательно из ума выжил»).

«Его знание необъятно. Как он умен! Как с ним интересно беседовать! Каждую реплику собеседника он воспринимает как удар электрического тока. Вмиг загорается, вступает в полемику, убеждает. Встанет и пройдет по комнате, остановится и о чем-то задумается, потом стремительно приблизится и всмотрится-всмотрится в твои глаза... Ему без разницы, кто перед ним – собеседник, который моложе его самого в два раза, известный писатель или человек, которого никто не знает... Бывает, увидит он, одетый с иголочки, тебя, прикрывающего свою наготу кое-как, и непременно остановит. Начинаются расспросы, он зачнет спор. Он, важный, вместе с тобой пойдет в столовую и будет лопать картошку с килькой... Зазнайства и фанаберии у него не было. Он был, как ребенок, прямодушен и также мог моментально вспылить... Разговор с ним – это нечто сродное с игрой в бадминтон. Ни на мгновение нельзя отвести внимание... Он сам горел и тебя зажигал... Уж слишком все он близко принимал к сердцу... Все ему хотелось знать, всех – учить, везде – участвовать... Одним словом, личность его меня озадачивала».

Портрет С. В. Ялавина, нарисованный Ф. Е. Уяром, – это типичный портрет космически одержимого пассионария. «Пассионарность с природно-космической точки

зрения, – пишет доктор философских наук В. Н. Демин в книге «Тайны биосферы и ноосферы (М., 2001), – это врожденная способность организма абсорбировать (впитывать. – Авт.) энергию внешней среды и выдавать ее в вид работы».

Вглядываешься в фотографии С. В. Ялавина и начинаешь понимать глубину и правду фразы Шекспира: «Я увидел его душу на его лице». Многие современники отмечают, что он был светлолицым. Я же назвал бы его представителем нордической расы, и это определение сделало бы во многом объяснимыми и простыми его заносчивость и задиристость (в случаях, когда он в пылу критического запала мог того или иного писателя подвести под расстрел; слава Богу, этого не произошло, но дело иногда шло к этому): «Черты нордического лица в профиль ярко выражены, – пишет Ганс Ф. К. Гюнтер. – Лоб с наклоном назад, глаза глубоко посажены, нос более или менее выступает. Челюсти и зубы расположены почти вертикально. Особенно резко выступает подбородок. Наличие трех выступающих частей производит впечатление агрессивности. Когда художник хочет выразить в чертах лица качества вождя, смелость, силу воли, он всегда рисует более или менее нордическую голову. В анфас обращают на себя внимание узкий лоб, мало изогнутые брови, узкая спинка носа, узкий, угловатый подбородок. Голова в области висков сужена, будто ее с двух сторон сжимали в тисках».

Сергей Ялавин – это человек, который остро напрягался вверх. Это был землянин, которому не удалось (или же это было ему специально дано) забыть о Небесной Родине. Согласно чувашской мифологии мы бы назвали его аром («ар» на чувашском «мужчина», «настоящий мужчина»). Русский историк и писатель Н. С. Арцыбышев в 1811 году писал, что «у чуваш носитя еще предание, что праотцы их пришли сверху». Чувашский же историк Гурий Комиссаров свое удивление выразил так: «Чуваши как будто с неба упали».

Почему же для ара Ялавина его «врожденная способность» оказалась мачехой? Повинным оказался «падший» чувашский мир, который с конца XIX века не обращает внимания на людей с «крыльями».

«Чаваш тытса пахмасар ененмест» (Чуваш, не потрогав, не поверит) – в этой пословице запечатлелась одна из основополагающих установок национального сознания. Это так называемый антиидеализм чувашей. В органике национальной жизни он служит защитой от всякого рода обольщений, соблазнов. Уравновешенный другими силами народной души, он служит доброй цели. Но в нем всегда дремлет опасность для национального организма. В периоды распада целостности, внутренней спаянности чувашского мира эта установка сознания может начинать доминировать. Значит, и

демонизироваться. И увлечь за собой всю национальную жизнь в омут материализма, настроить чувашский мир на борьбу против самого себя, против духа.

Своим идеализмом С. В. Ялавин жгуче современен. Космизм мироощущения также должен послужить уроком для чувашских писателей. Высота точки зрения и эстетическая ценность, оказывается, очень даже сопрягаются. В этом нас убеждает шедевр мировой литературы (не побоюсь этого слова) рассказ «На дороге» («Сул синче», 1928).

* * *

«Она повязала белый сатиновый платочек и выпорхнула на улицу. В белом платьице, в белом сатиновом платочке она точь-в-точь как бабочка! Порхают ведь белые бабочки? И Ольга похожа на них. В мгновение ока она долетела до ворот Палюк – и исчезла. Бабочка может пройти через самое махонькое отверстие. Ворота не издали ни звука. Видать, были открыты».

Через три дня должна состояться свадьба. Ольга хочет навестить тетю и самолично пригласить ее на свадьбу. Тетя живет в деревне, до которой 5 километров. Она хочет в дорогу с собой взять Палюка. Но его нет дома, поэтому она, с разрешения матери, отправляется одна. Можно пойти вкруговую, можно напрямик. Прямая дорога лежит через лес. Ольге хочется поскорее поделиться со своей новостью, радостью с тетей.

В лесу в это время на полянке, через которую девушка должна пройти, отдыхают два выпущенных на волю арестанта. Один – Архип – болеет чахоткой, смертельно болен. Артем, в котором бьет через край слепая жизненная сила, попал за конокрадство. В тюрьме он истосковался по женской ласке, поэтому, когда видит Ольгу, он оглушает Архипа, который хочет его остановить, и насилует девушку. Ольга со стыда вешается.

Такова вкратце внешняя канва сюжета.

Мистическую глубину и силу трагического события получает за счет музыкальной okayмовки. Музыковеды также признают, что произведение строится на принципе музыкального развития темы, говорят о симфонической разработке словесного материала.

Неповторимое своеобразие рассказа, действительно, заключается в том, что в нем с начала до конца можно проследить контрапунктное развитие двух сквозных линий: лирически светлой и грозно-трагической. По мере приближения к концу, к трагической развязке все более и более разворачивается вторая контрастная сфера, нагнетается ощущение суеверного страха, создается ощущение близкой и неотвратимой опасности, атмосфера гибели, конца.

«Прошу восстановить меня, наконец, в правах Союза писателей как неправильно исключенного в 1956 году по обвинению «пособник врагов народа», – так писал он в СП

СССР. В поисках правды он выехал в Москву. 9 апреля 1961 г. умер прямо на улице от внезапной остановки сердца.

Юрий ЯКОВЛЕВ.

Чувашский писатель Сергей Ялавин недавно закончил три пьесы: «Сельмен», «Сюрприз», «Близкая родня»... Это – способный, начитанный, серьезный литератор, который достоин всяческой поддержки. Говорю это с полной ответственностью, так как прочитал его пьесы.

Корней ЧУКОВСКИЙ.

9 мая 1957 г. Переделкино.